

© 2010 г. А.Д. ПАЛКИН

М.М. БАХТИН В РАБОТАХ ЯПОНСКИХ УЧЕНЫХ

В последние годы в Японии резко возрос интерес к идеям М.М. Бахтина, в особенности высказанным в так называемых «спорных работах» под авторством В.Н. Волошинова и П.Н. Медведева. Японские ученые сравнительно недавно заговорили о необходимости переосмысления предложенных Бахтиным теорий. Особую популярность приобрела теория диалога, разработанная Бахтиным. В данной статье показано, как японские исследователи анализируют труды Бахтина, сопоставляя их с работами других авторов. Не претендуя на всеобъемлющее освещение проблемы, мы выбрали три, по нашему мнению, наиболее показательных мнения представителей японской гуманитарной науки, которые трактуют идеи Бахтина с позиций психолингвистики, общего языкознания и философии языка. Все приведенные в статье цитаты из работ Бахтина сверены с русским оригиналом, остальные цитаты переведены автором статьи с английского и японского языков.

В Японии представители различных гуманитарных наук уделяют большое внимание разработкам советских ученых. Предпринимаются попытки практического применения ряда популярных концепций, увидевших свет в советское время. Можно говорить, по меньшей мере, о стремлении японцев понять и изучить парадигмы, получившие развитие в период расцвета советской науки.

В наших предыдущих работах мы уже писали о том, какую известность снискал в японских научных кругах Л.С. Выготский и его культурно-историческая теория [Палкин 2006; 2009]. В данной статье мы остановимся на работах некоторых японских исследователей, которые обратились к творчеству другого выдающегося мыслителя советского периода – М.М. Бахтина. О неподдельном интересе японцев к личности Бахтина свидетельствует тот факт, что первое в мире собрание сочинений Бахтина появилось именно в Японии. В период с 1979 по 1988 гг. увидели свет восемь томов, содержащих работы Бахтина в переводе на японский язык. В России издание собрания сочинений Бахтина началось только в 1996 г. Однако японцы не остановились на достигнутом: в период с 1999 по 2007 гг. были опубликованы четыре тома из нового собрания сочинений Бахтина, причем активное участие в переводе с русского на японский принял известный японский бахтиновед Х. Сасаки.

Цель данной статьи – познакомить российских читателей с рядом работ последнего времени, которые не были переведены на русский язык. Мы не претендуем на сколько-нибудь полный обзор. Мы хотим показать, что в настоящее время в Японии к имени М.М. Бахтина проявляют интерес представители самых различных наук – от психологов до культурологов. Все рассмотренные ниже работы, по нашему убеждению, нуждаются в пристальном внимании и изучении в связи с тем, что в них прослеживается попытка не только провести некоторый авторитетный анализ работ Бахтина, но и увязать их с современными реалиями. Мы же хотим продемонстрировать, с каких разных позиций подходят японские ученые к работам Бахтина и как это отражается на их интерпретации лингвистических явлений.

Трудно однозначно сказать, к какой области науки относятся труды, вышедшие из-под пера М.М. Бахтина. Например, многие работы этого советского ученого посвящены вопросам, которые сейчас рассматриваются в рамках психолингвистики, однако

в первой половине XX века, когда выходили основные монографии и статьи психолингвистической направленности, такого термина еще не существовало, а во второй половине XX века Бахтина надолго «окрестили» литературоведом (что также соответствует действительности). Однако, когда стало известно, что Бахтин принимал участие (степень этого участия до сих пор остается предметом оживленных споров) в написании книги «Марксизм и философия языка», автором которой значится В.Н. Волошинов, М.М. Бахтин предстал научному миру как специалист в области общего языкознания и психолингвистики. Сам же ученый называл себя философом. Мы не будем вступать в дискуссию относительно того, кому принадлежит авторство «Марксизма и философии языка» и ряда других спорных работ. Вопрос этот требует отдельного рассмотрения. Взвешенную оценку различных позиций по данному вопросу можно найти в книге В.М. Алпатова [Алпатов 2005].

Далее об идеях Бахтина будут высказываться преимущественно японские ученые в нашем изложении. Мы оставляем за собой право на поясняющие комментарии.

Отдавая должное той популярности, которую М.М. Бахтин снискал в японских научных кругах, необходимо отметить, что интерес японских исследователей к Бахтину как был, так и остается существенным. Литература по данной проблематике достаточно обширна. Упомянем ряд наиболее показательных работ японских авторов [Игэта 2000; Ито 2003; Сасаки 2001; Abe 1997; Igeta 1992; Kaizawa 2008; Kuwano 1987; 2003; Nonaka 1997; Oe 1988; и др.]. Однако – повторимся – мы не ставили перед собой задачи осуществить всеобъемлющий обзор. Стремясь представить самые разные позиции, которых придерживаются исследователи Бахтина в Японии, мы обратим внимание на три научных направления – психолингвистику, общее языкознание и философию.

Начнем с психолингвистики. Состояние современной российской психолингвистики можно охарактеризовать как противостояние сторонников различных парадигм. Наиболее популярными являются когнитивная и деятельностная. Вместе с тем все громче заявляют о себе последователи М.М. Бахтина, предпочитающие вести дискуссию, пользуясь терминологией, разработанной советским ученым еще в первой половине XX века. В пике когнитивному и деятельностному подходам предлагается теория диалогизма. На фоне такого, условно говоря, «перетягивания каната» блекнут попытки сопоставить различные теории и вычлениить из них наиболее ценное.

Японским ученым подобные проблемы чужды. Для них важнее разобраться в деталях, а не ниспровергать оппонентов, поэтому в одной и той же статье того или иного японского автора могут мирно соседствовать цитаты из Н. Хомского, Л.С. Выготского, Ж. Пиаже и М.М. Бахтина.

В связи с вышесказанным укажем на еще один принцип, по которому мы отбирали статьи для рассмотрения: хочется выделить те работы, в которых японские ученые проводят сравнение научных воззрений Бахтина со взглядами его не менее известных современников.

Обратимся к статье Юдзи Моро. Мы уже писали о нем как об исследователе, внесшем значительный вклад в изучение творчества Л.С. Выготского [Палкин 2006]. Кроме того, значительное место в своей статье «Концепция психологии диалогизма» [Моро 2002] он отводит сравнительному анализу позиций Л.С. Выготского и М.М. Бахтина. Моро приходит к выводу о том, что эти позиции во многом совпадают. Изучение работ обоих ученых приводит Ю. Моро к мысли о том, что каждый из них по-своему пытается продемонстрировать прямую зависимость человеческой психики от общественных отношений и знаковой структуры языка. Состояние современной им психологии оба ученых оценивали как критическое, но сферы их интересов несколько разошлись. Выготский сосредоточился на взаимодействии языка и мышления, мышления и чувственной деятельности; Бахтин обратился к анализу общения и знакового взаимодействия.

М.М. Бахтин подчеркивал, что наличие реципиента сообщения и конкретного контекста, в котором строится высказывание, является определяющим фактором для адекватного понимания высказывания. При этом понимание индивидуально и зависит от качественных акцентов, которые в свою очередь подчиняются идеологическим по-

зициям, занимаемым участниками речевого общения. Кроме того, под влиянием центростремительных и центробежных сил языка, обусловленных текущей социальной ситуацией общения, рождаются разнообразные речевые жанры, каждый из которых пропитан собственной идеологией. Бахтин считал, что индивидуальный языковой опыт, являясь процессом творческим, формируется под влиянием многочисленных собеседников, вступающих в общение с данным конкретным индивидом. Используемые при этом жанры часто варьируются. Речевой жанр определяется темой, структурой и стилем общения. Следовательно, и выбор конкретных слов производится человеком в зависимости от используемого в данный момент жанра. Жанр получает у Бахтина подчеркнута прагматическую направленность.

Ю. Моро проводит интересное сопоставление концепции М.М. Бахтина о семейных и интимных жанрах с теорией Л.С. Выготского о зоне ближайшего развития. Согласно Бахтину, в случае устранения ряда социальных ограничений между собеседниками устанавливается такая степень доверия, когда они могут обмениваться мыслями при помощи семейного или даже интимного жанров, предполагающих использование соответствующих лексических, грамматических и интонационных средств. В ситуации, когда становится возможной неформальная, относительно свободная оценка окружающих реалий, устанавливается семейный жанр общения. В ситуации же, когда собеседники испытывают по отношению друг к другу полное доверие, можно говорить об интимном жанре. В рамках этого последнего говорящий способен раскрыть в себе подавляемые в повседневных ситуациях общения качества, то есть благодаря созданию особой структуры высказывания стимулируется творческий процесс, способствующий личностному росту. По мнению Моро, эти рассуждения перекликаются с широко известной идеей Выготского о зоне ближайшего развития, из которой следует, что развитие ребенка ускоряется в случае целенаправленной поддержки со стороны взрослого. Эта поддержка, распространяющаяся на незрелые, но созревающие процессы психической деятельности ребенка, призвана помочь ему в раскрытии новых способностей и умений. В этом свете можно говорить о том, что теория речевых жанров Бахтина затрагивает и сферу возрастной психологии.

Психология диалогизма, по убеждению Ю. Моро, способна предложить новый подход к изучению речевого развития – на основе теории речевых жанров. Как правомерно утверждает Дж.Б. Глизон [Gleason 1997], несмотря на наличие огромного количества литературы и экспериментальных данных, посвященных проблеме становления речи в детском возрасте, до сих пор отсутствует четкое объяснение этого процесса. Возможность анализировать онтогенез речевой деятельности в терминах, предложенных М.М. Бахтиным, продемонстрировал, например, Дж. Дор [Dore 1995]. Он записывал на магнитофонную пленку свои разговоры с дочерью Эмили в период, когда ей было от 20 до 30 месяцев с момента рождения. Кроме того, исследователю удалось зафиксировать и эгоцентрическую речь ребенка. Выяснилось, что не обращенная к собеседнику речь Эмили изобилует лексикой, встречавшейся ей в разговорах с отцом; нередко и тематика монологов девочки находилась в прямой зависимости от диалогов, имевших место незадолго до этого. Дор, рассматривая данное явление в рамках теории жанров, говорит о факте перебора голосов, зафиксированном в эгоцентрической речи ребенка: девочка копировала не только словарь, но и стиль речевого взаимодействия, которого придерживался отец. Похожие процессы, как указывает Ю. Моро, можно наблюдать и в образовательной сфере. Исследователь приходит к выводу, что понятия многоголосия и разноречия, введенные М.М. Бахтиным, являются важным дополнением к теории речевого развития, предложенной Л.С. Выготским. В заключение Моро пишет: «Если считать Бахтина человеком, погруженным в дискурс, то Выготский – человек, погруженный в объекты и инструментарий. Бахтин, помимо прочего, упоминал о полифонии, порожденной объектами, но он остановился на уровне, который следует назвать уровнем предвидения» [Moro 2002: 146].

Анализ работы Ю. Моро показывает, что японцы предпочитают уклоняться от дискуссий относительно авторства «Марксизма и философии языка». Доля участия лично

М.М. Бахтина и лично В.Н. Волошинова в написании книги – для них второстепенный вопрос. Главное – те идеи, которые высказываются в тексте монографии. При этом японский автор стремится заочно «примирить» позиции М.М. Бахтина и Л.С. Выготского. В России школа Выготского и последователи Бахтина если и не стоят по разные стороны баррикад, то по меньшей мере настороженно относятся к терминологии, разработанной «не их» ученым. Ю. Моро продемонстрировал возможность гармоничного сочетания взглядов Бахтина и Выготского.

Ю. Моро анализирует работы М.М. Бахтина с позиции психолога (термин «психоллингвистика» в Японии не имеет широкого распространения). Такаси Кувано – другой японский исследователь – предпринимает попытку рассмотреть теорию Бахтина с чисто лингвистических позиций. В своей книге «Незаконченная полифония: Бахтин и русский авангард» [Kuвано 1990] он уделяет большое внимание творчеству Бахтина и современных ему ученых и деятелей искусства. Мы остановимся только на одном фрагменте этой книги, где Кувано сравнивает лингвистические воззрения, содержащиеся в работах М.М. Бахтина и И.В. Сталина. Речь идет о серии статей Сталина в газете «Правда», позднее изданных отдельной брошюрой под названием «Марксизм и вопросы языкознания» [Сталин 1951].

Вслед за Кувано мы не будем углубляться в дискуссию о том, какие причины подтолкнули Сталина к тому, чтобы авторитетно высказаться по вопросам языкознания. (Подробные рассуждения на этот счет см. у В.М. Алпатова [Алпатов 2004].) Достаточно того, что они были опубликованы и оказали революционное влияние на развитие советского языкознания, поставив крест на крайне сомнительной – но возводимой в разряд гениальных и обязательных к применению – яфетической теории Н.Я. Марра. Значение работ Сталина было действительно велико, так как обоснованная критика марризма, исходящая из уст «отца народов», автоматически низвергала эту одиозную теорию с пьедестала, занятого еще в 1920-х годах. Но что Сталин предлагал взамен? В этом и пытается разобраться Кувано.

Помимо критики марризма, И.В. Сталин рассуждал и об общих вопросах языкознания, каковые и подверглись японским автором тщательному рассмотрению, при этом Кувано сопоставляет предложенную Сталиным концепцию с теорией Бахтина.

Т. Кувано обращает внимание на рассуждения И.В. Сталина о том, правомерно ли считать язык надстройкой, находящейся в прямой зависимости от базиса. Сталин дает отрицательный ответ на этот вопрос. Общественно-политические, религиозные, философские и им подобные взгляды действительно являются надстройкой, изменяющейся в зависимости от изменений базиса, однако на язык это не распространяется. Достаточно привести простой пример: после Октябрьского переворота (именно так в тексте работы Сталина) лексика и грамматика русского языка не претерпели существенных изменений, несмотря на кардинальное изменение общественной формации. Следовательно, язык нельзя считать надстройкой. Данная позиция Сталина, как замечает Кувано, соответствует взглядам, бытующим в современной лингвистике.

Сталин, продолжая логический ход своих рассуждений, указывает на то, что за создание и развитие языка ответственен не какой-то один класс общества, а все общество в целом, многочисленные поколения этого общества. Язык, таким образом, в равной мере служит представителям как старой, так и новой надстройки, то есть его нельзя считать принадлежностью одного класса. И это мнение Сталина также не вызывает возражений с точки зрения современной науки.

Важно обратить внимание на мысль Сталина о том, что словарный состав, взятый сам по себе, еще не составляет языка, – он скорее является строительным материалом для языка. Величайшее значение словарный состав получает тогда, когда он поступает в распоряжение грамматики языка. Следовательно, именно благодаря грамматике язык предоставляет нам возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку.

В работе под фамилией В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка», напомним, основное внимание уделяется не вопросам лексики и грамматики, а – в отличие

от И.В. Сталина – высказыванию как главной единице лингвистического анализа. Как отмечает Т. Кувано, в своей критике индивидуалистического субъективизма и абстрактного объективизма Бахтин приходит к выводу, что эти направления неверно трактуют функции высказывания. Здесь его позиция принципиально расходится со взглядами Ф. де Соссюра и И.В. Сталина. Взамен анализу языковых явлений в их статике Бахтин предлагает анализ речевого взаимодействия, поэтому в качестве единицы анализа ему требуется «живое» высказывание. Т. Кувано приводит следующую цитату из упомянутой книги: «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых норм и не изолированное монологическое высказывание, и не психофизиологический факт его существования, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [Волошинов 1993: 104]. В этом утверждении мы легко можем узнать императив, которого придерживается современная психолингвистика и к которому все чаще обращается современное общее языкознание. Язык рассматривается не в оторванности от говорящей личности, а в рамках межличностного общения.

Что касается И.В. Сталина, который рассматривал язык как совокупность словарного состава и речевых правил, то нетрудно заметить, что в его подходе к языкознанию преобладали идеи, заимствованные у лингвистов конца XIX – начала XX века. «В данном вопросе», – пишет Кувано, – «Сталин также оставался на позициях “абстрактного объективизма”, одного из ведущих лингвистических направлений 20 века, и в этом смысле, пожалуй, можно говорить о том, что, хоть и в показной манере, ему в некоторой степени удалось соответствовать положениям лингвистической науки». «Однако, как было сказано выше, взгляды именно такого рода Бахтин неоднократно критиковал еще во второй половине 1920-х годов», – продолжает японский автор [Kuwano 1990: 45]. Не только в «Марксизме и философии языка», но и в ряде произведений Бахтина второй половины XX века подчеркивается необходимость изучать высказывание в процессе коммуникативного (диалогического) общения.

Кувано считает неверным мнение о том, что Бахтин, как и Сталин, считал, будто представителями разных классов используются одинаковые слова и выражения. Бахтин подчеркивал, что знаки, будучи проникнуты идеологическим содержанием, являются местом пересечения разнонаправленных акцентов, поэтому знак становится сценой классовой борьбы. Следовательно, в зависимости от идеологизированных качественных акцентов языковые знаки могут принимать разные формы и иметь разное содержание. Здесь мы снова видим противостояние динамизма теории Бахтина и статичности, характерной для языковедческих работ Сталина. У Сталина слово характеризуется как надклассовое и одноакцентное, Бахтин же рассматривает внутреннюю борьбу и многоакцентность языковых знаков.

Таким образом, концепция М.М. Бахтина, рассматривающего язык-речь в рамках речевого общения, а также в связи с жизненной идеологией и индивидуальным восприятием реальности, принципиально отличалась от взглядов как Ф. де Соссюра и К. Фосслера, так и И.В. Сталина. Для Бахтина язык – это нечто большее, чем – как у Сталина – средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Это высказанное Сталиным положение, разумеется, вполне правомерно, но оно не учитывает тех экстралингвистических реалий, которые непосредственно влияют на функционирование языка в процессе речевого общения. Бахтин же еще в 1920-х годах фактически вплотную приблизился в своих рассуждениях к тому, что в современной лингвистике именуется популярным термином «дискурс», тем самым намного опередив лингвистов первой половины XX века по глубине научного анализа.

М.М. Бахтин развил, по убеждению Т. Кувано, уникальное для своего времени направление – «диалогическую философию». Если рассматривать взгляды современных Бахтину лингвистов с позиций теории диалога, то и абстрактный объективизм, представленный школой Ф. де Соссюра и принятый на вооружение И.В. Сталиным, и индивидуалистический субъективизм, представленный школой К. Фосслера, можно отнести

к направлениям, придерживающимся монологизма ввиду явной недооценки роли реципиента в процессе речевого общения. На их фоне теория диалога М.М. Бахтина – большой шаг вперед, к сожалению, по достоинству оцененный лишь десятилетия спустя. Кувано – не единственный японский ученый, обнаруживающий сходство идей Сталина и де Соссюра (которые – применительно к последнему – в «Марксизме и философии языка» именуются «абстрактным объективизмом»). Схожей позиции придерживается К. Танака [Tanaka 2000].

Т. Кувано показывает, что положения, содержащиеся в «Марксизме и вопросах языкознания», во многом не соответствуют взглядам современной лингвистики; кроме того, высказанные Сталиным мысли отставали и от современной ему науки, так как задолго до выхода в свет работ Сталина Бахтин критиковал те концепции, на которые опирался «великий вождь». В ходе анализа работ Сталина русскому исследователю сложно абстрагироваться от политической составляющей. Японскому ученому это сделать гораздо легче. В результате мы имеем непредвзятое сопоставление мнений Бахтина и Сталина, причем это сопоставление оказывается в пользу настоящего ученого, каковым Кувано признает Бахтина.

Коль скоро мы абзацем ранее затронули тему философии, закончим наш краткий экскурс рассуждениями о Бахтине-философе – опять же, глазами японского автора. Такаюки Ёкота-Мураками известен прежде всего как литературовед, но в ряде своих статей он обращается к сопоставлению позиций М.М. Бахтина и М. Фуко. Собственно говоря, чтобы ознакомиться с работами Ёкота-Мураками, совсем не обязательно знать японский язык, так как он достаточно хорошо владеет как английским, так и русским языками. В частности, очень интересна его статья на русском языке [Ёкота-Мураками 1995], где он развивает идею о том, что М.М. Бахтин предвосхитил появление постструктурализма, высказывая схожие идеи задолго до появления основных работ Ж. Лакана и М. Фуко.

Мы же обратимся к другой статье Т. Ёкота-Мураками, написанной на английском языке, где автор проводит параллели между теориями М.М. Бахтина и М. Фуко. Эта статья носит название «Бахтин, Фуко и феминизм: пересмотр диалогизма» [Yokota-Murakami 2007].

Несколько слов о феминизме. Японский автор обращает внимание на то, что сторонницы феминизма взяли на вооружение теорию М.М. Бахтина для пропаганды собственных идей, утверждая, что диалогизм Бахтина во многом феминистичен. В частности, японский автор ссылается на статью Д. Хёрндл [Herndl 1991], которая убеждена, что у Бахтина роман как диалогический жанр характеризуется женским языком в противовес мужскому. Кроме того, она видит сходство между Бахтиным и феминистками в том, что и тот, и другие боролись с деспотизмом (надо понимать, что Бахтин боролся с коммунистическим деспотизмом, а незащищенные женщины – с мужским деспотизмом). Наконец, Хёрндл подчеркивает, что феминистки, которые в своей неравной борьбе пользуются, разумеется, женским языком, женским дискурсом, прибегают к разноречию и полифоническому сопротивлению – методам, которые были впервые подробно описаны именно Бахтиным. Ёкота-Мураками указывает на то, что Хёрндл в разных частях своей статьи противоречит сама себе, с одной стороны, противопоставляя разноречие как свойство женского дискурса диалогу как свойству мужского дискурса, но с другой стороны, приравнивая эти два понятия. Так, она пишет о том, что роман способен противостоять иерархии и достигать карнавального смеха по причине своего «двухголосия», «диалогизма», что роман участвует в общении голосов. Далее же Хёрндл заявляет, что достигается подобный эффект самыми разными средствами, однако ввиду наличествующего в романе конфликта между голосами персонажей или между голосами автора и персонажей непременно возникает «разноречие», выражающее многообразие идеологий на различных уровнях языкового узуса. «Тем самым, – пишет Ёкота-Мураками, – получается сборная солянка из понятий “роман”, “диалогизм” и “разноречие”. И в действительности под этой сборной солянкой феминистки подразумевают вовсе не диалогизм, а разноречие» [Yokota-Murakami 2007: 79].

Однако японский автор не решается вступать в открытый конфликт с представительницами феминизма и тут же оговаривается, что и сам М.М. Бахтин иногда ставил в один ряд диалогизм и разноречие. В частности, Т. Ёкота-Мураками указывает на пассаж из «Слова в романе»: «Вне глубокого понимания разноречия, диалога языков данной эпохи, стилистический анализ романа не может быть продуктивным» [Бахтин 1975: 228]. Конечно, мало кому захочется вступать в конфронтацию с феминистками, но справедливости ради следует отметить, что Бахтин не противопоставлял диалог разноречию, а рассматривал их как составные элементы своей теории, поэтому употребление этих терминов в едином контексте не является противоречивым в рамках теории диалога. Да, у М.М. Бахтина при желании можно найти противоречия (см., например, работы К. Эмерсон [Emerson 1997] и М.Л. Гаспарова [Гаспаров 2004]), однако понятия диалога и разноречия могут не согласовываться друг с другом только в том случае, если рассматривать одно в противостоянии другому. Бахтин этого избегал. В процитированном отрывке не идет речи и об уподоблении. В своих многочисленных работах Бахтин разграничивал понятия разноречия и диалога. Данный отрывок действительно может быть истолкован двояко: в принципе его можно рассматривать как приравнивание двух данных терминов, но, учитывая взгляды Бахтина, изложенные им в других работах, более предпочтительной выглядит другая трактовка этого отрывка: речь идет о необходимости понимания как разноречия, так и диалога языков соответствующей эпохи.

Вернемся, между тем, к статье Т. Ёкота-Мураками. Мысли о феминизме неожиданно приводят его к концепции М. Фуко. Он ни в коей мере не относит этого французского философа к борцам за светлые идеи феминизма, однако логика здесь такова: сторонники и сторонницы феминизма в своих разработках активно используют и концепцию М.М. Бахтина, и концепцию М. Фуко. Японский автор пытается выяснить, как соотносятся друг с другом эти две концепции. Чем они так вдохновили феминисток – вопрос отдельный, и в него мы углубляться не будем.

Т. Ёкота-Мураками указывает на то, что М. Фуко, отказавшись от традиционного бинарного толкования власти как взаимодействия правителя и его подчиненных, разработанного, прежде всего, Т. Гоббсом и К. Марксом, предложил взамен структуру власти в виде сцепления дискурсивных отношений. Для Фуко власть не сосредоточена в руках некоего человека, либо группировки, либо класса, а является всеохватывающей, зиждясь на бесконечном множестве фокальных точек. В понимании Фуко власть амбивалентна и изменчива: она присуща каждому – и в то же время каждому ее не хватает; каждый одновременно и управляет чем-либо, и выполняет чужие указания. Ёкота-Мураками находит много общего между подобным ходом рассуждений и пониманием разноречия М.М. Бахтиным. Разница, по мнению японского исследователя, прежде всего в том, что теория Фуко более статична, тогда как Бахтин уделяет больше внимания динамизму происходящих изменений. Этим, однако, различия отнюдь не ограничиваются.

Рассмотрев теоретические положения М.М. Бахтина, Т. Ёкота-Мураками приходит к выводу, что модель субъективности в работах советского ученого тяготеет к картезианской парадигме (субъект познания выводится за рамки познаваемого мира и, соответственно, познаваемых объектов). М. Фуко, напротив, предлагает дискурсивную модель, где субъект лишен полной независимости. Фуко понимает субъективность лишь как случайный фокальный пункт дискурсивного поля. В своей «Археологии знания» [Foucault 1972] он рассматривает дискурс как рассеяние субъекта. В подобной модели объект полностью растворяется в сцеплении дискурсивных отношений. В модели Фуко присутствуют многочисленные говорящие субъекты, среди которых возможно даже отсутствие слушающего субъекта в рамках диалогического общения, который необходимо присутствует в модели Бахтина.

Диалогизм предполагает наличие отправителя и получателя сообщения. Кроме того, диалогизм влечет за собой бинарные отношения между участниками речевого взаимодействия: это дихотомия говорящего и слушающего, коммуниканта и реципиента, внутренней мысли и озвученной мысли.

Углубившись в подобные рассуждения, Т. Ёкота-Мураками забывает о своем намерении соблюдать нейтралитет в отношении феминизма и указывает на очередную оплошность в статье Д. Хёрндл. В своем увлечении идеями М.М. Бахтина она определяет дискурс романа как характеризующийся женским языком и, отталкиваясь от дихотомии мужского и женского, противопоставляет романический дискурс патриархальному (то есть нероманическому) дискурсу. Такие рассуждения, однако, не согласуются с позицией самого Бахтина, который не рассматривал роман в терминах дихотомии. В частности, в своей статье «Эпос и роман» [Бахтин 1986] он не приравнивает текст романа к иному, женскому или чему-либо подобному, вступающему в диалог с доминирующим дискурсом либо мужским дискурсом. Роман для Бахтина – это сцена, на которой присутствуют все виды диалогического общения, создавая разнообразные модели взаимодействия. «Роман включает в себя всё. И эта модель романа сходна с понятиями дискурса и власти в понимании Фуко» [Yokota-Murakami 2007: 82]. В данном случае Ёкота-Мураками не находит никакого оправдания заблуждению Хёрндл. В оправдание японского автора хочется сказать, что он, конечно, не является убежденным противником феминизма, но как для настоящего ученого истина для него оказывается дороже. Между тем он вовсе не имеет в виду, что феминисты и феминистки эклектично подстраивают под свою теорию схемы авторов, никак с феминизмом не связанных, – он просто стремится упредить некоторых недалёковидных представительниц феминизма от неверной трактовки терминов, предложенных Бахтиным.

Т. Ёкота-Мураками пытается сохранять нейтралитет и в тех случаях, когда на разных чашах весов оказываются теории М.М. Бахтина и М. Фуко. Основным посланием становится утверждение о том, что Бахтин, несмотря на всю сложность и неоднозначность разработанной им теории диалога, придерживался картезианских позиций, если учитывать структуру субъект-объектных отношений в теории советского мыслителя. Фуко следовал иным взглядам, отводя субъекту второстепенную роль. В этом и кроется, по мнению японского автора, то принципиальное различие, которое в конечном итоге определяет расхождение взглядов двух ученых на проблемы речевого и межличностного взаимодействия. В то же время между строк обсуждаемой статьи читается протест против использования имен выдающихся мыслителей в околонуточных целях, чем, по сути дела, и занимается такая представительница феминизма, как Д. Хёрндл. Т. Ёкота-Мураками нигде не пишет об этом открыто, однако проведенный им анализ наводит именно на подобные мысли.

Проведенное нами краткое рассмотрение работ японских ученых, посвященных творчеству М.М. Бахтина, ни в коем случае не является исчерпывающим. Скажем точнее: оно затрагивает лишь малую толику того обширного материала, который составили различные японские исследователи в связи с теорией советского ученого. Примечательно, что многие стремятся не просто дать описание, понять, проанализировать, но, как мы уже отмечали, ищут и пути практического применения выдвинутых М.М. Бахтиным идей. Например, К. Нисигути в коллективной монографии «Гуманистическое преподавание японского языка» рассматривает возможности использования теории речевых жанров Бахтина применительно к образовательному процессу [Nishiguchi 2003].

Оценивая в целом отношение японских ученых к М.М. Бахтину, можно охарактеризовать его как восторженно-удивленное. Сложности терминологии, обилие метафор и не всегда удачные варианты перевода заставляют японцев относиться к работам Бахтина как к чему-то поистине загадочному и таящему между строк россыпи ценнейших идей. Изучая Бахтина, японские исследователи невольно снова и снова задумываются о «загадочной русской душе». Между тем нельзя сказать, что в Японии оформилась некая школа последователей М.М. Бахтина. Теории советского ученого при всей их популярности рассматриваются в ряду целого ряда других. В данной статье мы как раз и попытались вкратце обрисовать то, каким образом в представлении японских авторов взгляды Бахтина как разностороннего ученого пересекаются с научными идеями других не менее известных его современников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 2004 – В.М. Алпатов. История одного мифа: Марр и марризм. М., 2004.
- Алпатов 2005 – В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
- Бахтин 1975 – М.М. Бахтин. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бахтин 1986 – М.М. Бахтин. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Литературно-критические статьи. М., 1986.
- Волошинов 1993 – В.Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. М., 1993.
- Гаспаров 2004 – М.Л. Гаспаров. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Материалы Международной науч. конф. 10–11 ноября 2004 года: «Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения». М., 2004.
- Ёкота-Мураками 1995 – Т. Ёкота-Мураками. К деконструкции субъекта: перетолкование теории М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова с точки зрения японской классической литературы // Slavistika. 1995. № 11.
- Игэта 2000 – С. Игэта. Иванов – Пумпянский – Бахтин // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3–4.
- Ито 2003 – И. Ито. Две теории поэтического языка 20-х гг.: Якобсон и Бахтин // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2003. № 1–2.
- Палкин 2006 – А.Д. Палкин. Л.С. Выготский глазами японских исследователей // Вопросы психологии. 2006. № 5.
- Палкин 2009 – А.Д. Палкин. Л.С. Выготский: взгляд из Японии. М., 2009.
- Сасаки 2001 – Х. Сасаки. Основы понятия текста у М.М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. № 3.
- Сталин 1951 – И.В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951.
- Abe 1997 – G. Abe. Бафутин-о ёму. Токио, 1997. (на япон.)
- Dore 1995 – J. Dore. The emergence of language from dialogue // A. Mandelker (ed.). Bakhtin in context: Across the discipline. Evanston (Illinois), 1995.
- Emerson 1997 – C. Emerson. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. Princeton, 1997.
- Foucault 1972 – M. Foucault. The archeology of knowledge. New York, 1972.
- Gleason 1997 – J.B. Gleason. The development of language. Boston, 1997.
- Herndl 1991 – D.P. Herndl. The dilemmas of a feminine dialogic // M. Bauer, S.J. McKinsty (eds.). Feminism, Bakhtin, and the dialogic. Albany, 1991.
- Igeta 1992 – S. Igeta. Порифони сёсэцурон-но сэйрицу катэй // Косаку-суру гэнго. Токио, 1992. (на япон.)
- Kaizawa 2008 – H. Kaizawa. Хикисакарэта сюкусай. Бафутин, Набокофу, Росиа бунка. Токио, 2008. (на япон.)
- Kuwano 1987 – T. Kuwano. Бафутин – «тайва» соситэ «кайхо-но вараи». Токио, 1987. (на япон.)
- Kuwano 1990 – T. Kuwano. Микан-но порифони: Бафутин-то Росиа авангярудо. Токио, 1990. (на япон.)
- Kuwano 2003 – T. Kuwano. Бафутин-то дзэнтайсюги. Токио, 2003. (на япон.)
- Moro 2002 – Y. Moro. Диарогисуму синригаку-но косо // Сисо. № 8. Бафутин саико. Токио, 2002. (на япон.)
- Nishiguchi 2003 – K. Nishiguchi. Гэнго-то комюникэсён-о сайко-суру: Бафутин-то Онгу-но гэнгорон-то дайнигэнго кёику-э-но сиса // Нингэнсюги-но нихонго кёику. Токио, 2003. (на япон.)
- Nonaka 1997 – S. Nonaka. Рэкиси-то тээцу: Каган-то Бафутин // Михаиру Бафутин-но дзику. Токио, 1997. (на япон.)
- Oe 1988 – K. Oe. Атарасий бунгаку-но тамэ-ни. Токио, 1988. (на япон.)
- Tanaka 2000 – K. Tanaka. «Сутаарин гэнгогаку» сэйдоку. Токио, 2000. (на япон.)
- Yokota-Murakami 2007 – T. Yokota-Murakami. Bakhtin, Foucault, and feminism: The dialogics reconsidered // Хёсё-то бунка. № 4. Осака, 2007.